

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-37>

УДК 82-31

МОРТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

О. А. Кондакова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию мотивов смерти в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», являющихся значимыми и устойчивыми в мировой литературе. Выделяются и анализируются две основные разновидности смерти: физическая и символическая. На основании изученных работ М. Элиаде и О. Седаковой смерть рассматривается как процесс перехода из живого состояния в неживое и как переход в инопространство. В соответствии с классификацией мотивов смерти, данной О. Седаковой, выделяются и анализируются «своя» и «не своя» смерть. Жизнь и смерть, образуя неразрывную пару, рассматриваются и как единое, но вариативное, и как бинарная оппозиция.

Ключевые слова: *мортальные мотивы, символическая смерть, физическая смерть, Яхина.*

Постановка проблемы. Интерес к исследованию мортальных мотивов не случаен: смерть играет значимую роль в мифологии, обрядности, литературе разных времен. Отношение к смерти, погребальным обрядам помогает глубже понять культуру, философию, особенности уклада того или иного народа. Под мотивом в рамках данной статьи мы понимаем: «<...> обобщенную форму семантически подобных событий, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы» [Силантьев, 2011, с. 4].

Смерть является лейтмотивом [Гаспаров, 1994, с. 263] дебютного романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015): «Смерть была везде. Зулейха поняла это еще в детстве. И трепетно-мягкие, покрытые нежнейшим солнечно-желтым пухом цыплята, и курчавые, пахнущие сеном и теплым молоком ягнята, и первые весенние мотыльки, и румяные, налитые тяжелым сахарным соком яблоки – все несли в себе зачаток будущего умирания» [Яхина, 2015, с. 139]. «Смерть была вездесуща – хитрее, умнее и могущественнее глупой жизни, которая всегда проигрывала в схватке» [Там же, с. 140]. Действительно, смертей разного рода в романе очень много, мы выделили две основные разновидности: физическая смерть и символическая смерть.

Смерть нельзя рассматривать как противоположность жизни, потому что она не отсутствие жизни, а ее завершение. Жизнь и смерть образуют неразрывную пару: могут рассматриваться как единое, но вариативное – жизнь может продолжаться в смерти, так и смерть может определять значение жизни. Однако также они могут представлять собой бинарную оппозицию: когда жизнь и смерть воспринимаются как взаимоисключающие состояния. Смерть в культуре, художе-

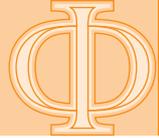
ственном тексте предстает как процесс перехода из живого состояния в неживое [Ковтун, Степанова, 2015, с. 144–152]; смерть в религии – тоже переход, но только из одной действительности в иную: в нирвану у буддистов, в рай или ад у христиан и мусульман [Постнов, 2001, с. 159–160].

М. Элиаде отмечает, что обряды перехода играют значительную роль в жизни как религиозного, так и нерелигиозного человека и сопровождают его на протяжении всей жизни, это обряды, совершаемые при рождении, посвящении по достижении половой зрелости, бракосочетании, смерти. Можно сказать, что в каждом из этих случаев речь идет о некотором посвящении, так как во всех случаях происходит коренная перемена онтологического состояния или общественного статуса. Что касается смерти, то здесь мы наблюдаем значительно более сложные обряды, ведь речь идет не только о «естественном явлении» (жизнь или душа покидает тело), а об «одновременном изменении как онтологического состояния, так и общественного положения: умирающий должен пройти через ряд испытаний, от которых зависит его загробная судьба, но кроме этого он должен быть принят сообществом мертвых и признан как один из них» [Элиаде, 1994, с. 116].

О. Седакова в своем исследовании акцентирует внимание на погребальной и поминальной обрядности как важнейшей составляющей славянских обычаев и отмечает, что в случае правильного совершения этого перехода умерший «приобретает статус душ, родителей, дедов» [Седакова, 2004, с. 32]. Если же по каким-то причинам переход не удастся: душа не может «выйти» из тела, или же ее «не принимают» земля или небо; либо не пропускают «сторожа», – то умерший оказывается «нечистым покойником». «В ходе погребального обряда должно стереться значение реального пространства кончины (дома, лавки в доме), и смерти должен быть отведен “освященный”, обрядово закрепленный участок земли. Там вместе с телом погребается и замыкается сама смерть. Если же реальное место кончины не снимается ритуальным, присутствие смерти или воплощающей ее нечисти консервируется, создается “нечистое”, “урочное”, “выморочное место”» [Там же, с. 75].

Результаты исследования. Мотив физической смерти широко представлен в романе: это тысячи ссыльных, погибших в пути по дороге в ссылку; три сотни утонувших при переправе через Ангару; смерти четырех дочерей Зулейхи, умерших во младенчестве; Муртазы; Мулы; Груни; Денисова и других, при всем при этом мы достоверно знаем только о захоронении дочерей Зулейхи, остальные тела не преданы земле, а значит, их смерть «не замкнута». Физическая смерть не однородна, условно ее можно разделить на «свою» и «не свою», «основание этого противопоставления – исключительно характер кончины человека: смерть от старости – „своя“; скоропостижная и насильственная смерть – „не своя”» [Там же, с. 39]. В романе Яхиной она тоже представлена по-разному: «своя» смерть (Мулы, Груни) и «не своя» смерть (Муртазы, Мансурки).

Муртаза погиб от рук «красноордынца» Игнатова. Основная характеристика Муртазы – хозяин, это признает даже Мансурка, обещая похоронить тело

Муртазы «по советскому обычаю»: «...хороший был хозяин...» [Яхина, 2015, с. 83]. «Сильный мужчина, большой <...> Хороший муж, что говорить» [Там же, с. 19], он погиб, защищая нажитое добро: «Умру, зубами вцеплюсь – не отдам! Мое!» [Там же, с. 52]. Сбылся пророческий сон Упырихи, «старуха осталась со своим обожаемым сыном в доме. <...> Догадается ли Мансурка похоронить Муртазу рядом с дочерьми? А Упыриху? В том, что старуха после смерти сына долго не протянет, Зулейха не сомневалась» [Там же, с. 102]. Зулейха думает о похоронах еще живой свекрови, зная наверняка, что со смертью Муртазы закончился и ее земной путь, т. к. слишком сильна была внутренняя связь между сыном и матерью, словно «не разрубленная пуповина» скрепляла их воедино, не давая Упырихе покинуть Муртазу и «этот мир», помогая слепой и глухой старухе слушать и давать советы своему великовозрастному сыну, а строгому и жестокому Муртазе быть ласковым и сентиментальным только по отношению к своей матери. Зулейха переживает, что не сможет выполнить «свой долг» перед мужем и похоронить его, как подобает «хорошей жене», рядом с их детьми, т. к. после того как «три огненных фэрэштэ – три красноордынца – увезли ее с мужниного двора» она уже не сможет «задабривать» духов кладбища и ее муж и дети останутся без должного «присмотра».

Смерть председателя сельсовета Мансурки-Репея «не своя», он тоже убит, и его смерть – возмездие за поломанные судьбы и разоренные дома: «Аллах тебя накажет, – бросает она (Зулейха) Мансурке. – Он вас всех накажет» [Там же, с. 84]. Мансурка-Репей, он же председатель сельсовета «бывший батрак Мансур Шигабутдинов», пришедший из соседнего кантона, не имевший ни семьи, ни совести, забывший Аллаха и своих предков, называвший своих селян «язычниками», за свои «злодеяния» был убит и остался висеть на заборе, «проколотый двумя кривыми серпами» [Там же, с. 87], на границе дома и околицы, на границе двух миров. Одна из причин «нечистой» или «трудной» смерти – грешная жизнь, а «всякий грешник умирает трудно, смерть в этом случае представляется как возмездие и как способ узнать о будущей жизни покойного» [Леон-Порфилья, 1961, с. 226].

Мулла – умер во сне «своей» смертью, а «умершие своей смертью почитались как предки» [Седакова, 2004, с. 39]. Он олицетворение истинной веры, он сам вел праведную жизнь и следил, чтобы и другие не сбивались с истинного пути и укреплялись в истинной вере: вел намазы, наказывал мужьям передавать женам, оставшимся дома, содержание пятничных бесед, и Зулейха знала, что «все в этом мире идет своим чередом, порядок вещей – незыблем» [Яхина, 2015, с. 103]. Он до последнего момента служил Аллаху: первый вошел в разоренную мечеть, первый встал на колени, и долго-долго молился. Мулла умер в оскверненной, но сохранившей свою «святость» мечети: «Даже острый запах бараньего навоза не мог перебить ее особого, еще сохранившегося по углам аромата» [Там же, с. 100], считается что «святость Храма защищена от всякой земной порчи, <...> а следовательно, он расположен рядом с богами, на Небе. Высшие модели суще-

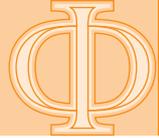
ствуют в духовном, не подверженном порче небесным миром» [Афанасьев, 2014, с. 44]. Его смерть в мечети очень символична: в священном для мусульман месте осуществляется переход от одного способа существования к другому. Аллах забрал к себе праведника, тем самым показав свою силу Всевышнего. А «улыбка» на лице муллы, говорит о том, что, погрузившись в вечный сон, он нашел успокоение: «Открытые глаза муллы застыли и смотрят вверх <...> бегущие от носа к подбородку морщины сложили губы в бледную сухую улыбку <...> Тело муллы было решено оставить в кантоне для захоронения» [Яхина, 2015, с. 106]. Упоминание времени тоже не случайно, чаще именно на рассвете, на стыке дня и ночи человек уходит в иной мир, и эта смерть во сне считается привилегией праведного человека и наделена особой значимостью.

Смерть Груни хоть и «своя», но она назидательная. Груня «тяжелой солдатской поступью» вошла в этот дом двадцать лет назад, и «Вольф Карлович мгновенно капитулировал, с безропотной радостью отдал ей бразды правления своим невеликим хозяйством, чтобы с головой погрузиться в упоительный мир загадок человеческого тела» [Там же, с. 110]. Сначала Груня окружила его заботой и вниманием, а потом с помощью доноса «избавилась» от него, чтобы заполучить его «квадраты» и жилплощадь. Она наказана – умирает, «не разрешившись» в родах: «При родах скончается, доктора из университетской клиники лишь сокрушенно разведут руками: слишком тяжелый случай» [Там же, с. 133]. Груня написала ложный донос на человека, который безгранично ей доверял, тем самым подписав себе «смертный приговор», т. к. возможно Лейбе был единственным человеком, способным ей помочь «разрешиться в родах».

Смерть Муртазы и Мансурки – «не своя», поскольку скоропостижна и случайна, а «заложных», случайно умерших, следовало избегать, у умершего не своей смертью не может быть «последователей» [Седакова, 2004, с. 143]. Смерть Мансурки прерывает его род. Муртаза же отчасти возрождается в сыне, т. к. он является частью его самого и носит его фамилию. Но Юсуф совсем не похож на своего отца, он образован, хорошо воспитан и очень почитает свою мать. В воспитании Юсуфа участвовали многие, и от каждого он взял что-то свое. В конце романа Игнатов сделает новые документы для Юсуфа и изменит фамилию, отныне сын Муртазы станет носить фамилию человека, убившего его отца. Смерть Муллы и Груни – «своя», но как по-разному выглядят эти смерти, мулла оставил после себя светлую память и осуществил переход от одного способа существования к другому, от смерти к новой жизни, тогда как Груня получила смерть и ничего более, ее род с потерей не родившегося ребенка был прерван.

Символическая смерть, то есть завершение определенного этапа или утрата определенной роли, представлена в романе как перерождение литературных героев. Практически все герои романа «переродились» – реализовались в ссылке и достигли определенных высот.

Самые разительные перемены происходят у Зулейхи, на протяжении всего повествования «глаза» главной героини «открываются» все шире и шире, и в кон-

це перед нами уже не «мокрая курица» [Яхина, 2015, с. 12], а состоявшаяся личность: мать, охотник, любимая и любящая женщина. Смерть главной героини – явление ментальное и знаменует перерождение героини, как избывание в себе слабости, робости и подчинения: «Все, чему учила когда-то мама, что считалось правильным и нужным <...> что составляло, казалось, суть Зулейхи <...> рассыпалось, распадалось, рушилось. Правила нарушались, законы оборачивались своими противоположностями. Взамен возникали новые правила, открывались новые законы» [Там же, с. 214]. Ее путь к перерождению не был простым, много испытаний свалилось на ее хрупкие плечи, но она все вытерпела: «тяжкий безнадежный труд, побои, оскорбления» в Юлдаше; смерть мужа и потерю жизненных ориентиров; долгую дорогу в Сибирь; голод и холод; страх потерять сына, сначала при вынашивании беременности, а потом от голода и неизвестной болезни, но «эта новая жизнь – ледяной сибирский ад, уготованный советской властью для раскулаченных, внезапно оказывается заметно лучше той, которую Зулейха вела до сих пор. Для нее открывается целый мир – любви, материнства, самостоятельных решений и всего того, о чем на протяжении первых 30 лет жизни она попросту не имела понятия» [Пустовая, 2019, с. 125–138].

Игнатов как «записался в восемнадцатом в Красную Армию – и поехало: сначала Гражданская, потом басмачей рубил а Средней Азии» [Яхина, 2015, с. 94], он искренне не понимал, как можно любить женщину. «Любить можно великие вещи: революцию, партию, свою страну <...> класть на две чаши весов какую-то бабу и Революцию?» [Там же, с. 95], по прошествии времени его ценности кардинально изменятся. Игнатов разочаруется в советской власти, станет «не удобен» и не нужен своему действующему «идейному» руководителю Кузнецу, проникнется некой симпатией к ссыльным и испытает неведомые ранее чувства к «раскулаченной гражданке» Зулейхе и из фанатичного красноармейца превратится в адекватного, понимающего и «любящего женщину» человека.

Иконников Илья Петрович, «известный художник, Ленина для плакатов рисовал», «к труду непривычен и не приспособлен, слаб телом, безволен» [Там же, с. 240], по мнению Игнатова, что, однако, не помешало ему расписать клуб, словно храм, по своему разумению: «Его томило большое и сложное чувство, смесь вдохновения, тоски, давно забытого юношеского восторга, отчаяния и какой-то щемящей нежности к не созданной еще и даже толком не придуманной росписи» [Там же, с. 377]. Иконников, единственный из «бывших», покинет спецпоселение Семрук, уйдет на фронт, защищать Большую землю.

Сумлинский Константин Арнольдович, «ученый – не то географ, не то агроном» [Там же, с. 240], в поселении стал агрономом, с разрешения Игнатова заказывал «дополнительные семенные ресурсы, да еще с указанием конкретных сортов», подтвердил свою диссертацию на практике и добился хороших результатов в своем деле, «семрукский колхоз» не только снабжал продуктами поселок, но и поставлял их на Большую землю и слыл лучшим колхозом среди спецпоселений.

Лейбе Вольф Карлович, «выживший из ума немец» [Там же, с. 243], давно и надежно укрывшийся а «яйце». Некогда «Профессор Казанского университета в третьем поколении» был практикующим хирургом, чья «практика была обширна, люди дожидались очереди на операцию месяцами» [Там же, с. 110], не практикующий в течение десяти лет, именно на острове, вдали от университетов и оборудованных больниц, снова обрел медицинскую практику и уважение окружающих, молва о его «даре врачевания» росла ежегодно, как и поток ходяков к «известному лекарю».

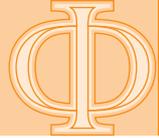
«Ленинградцы», «бывшие люди», образованные и интеллигентные, были отправлены в ссылку «освободиться от оков старого мира – навстречу новой свободе» [Там же, с. 162], как ни парадоксально, но вдали от Большой земли они действительно получили свободу в самореализации: смогли переродиться через мастерство или любовь. Процесс перерождения явлен как символическая смерть, переход от одного состояния / статуса в иное.

Сам путь на поселение насыщен мортальными мотивами. «Ленинградские бывшие» и «граждане раскулаченные» преодолели сотни километров собственного пути, чтобы встретиться в одной точке, на богом забытом острове, затерянном среди могучих вод Ангары. Тысячи человек погибли в пути: от голода и изнеможения в поезде «конечного следования» и в барже «Кларе», перевозившей в своем «чреве» три сотни человек, обреченных на верную смерть. До «конечного пункта назначения» – до «острова мертвых» – добрались лишь единицы. Как мифический остров мертвых омывают пустынные зеркальные воды подземной реки Ахерон, через которую лодочник Харон переправляет души усопших, так и Могучие реки Енисей и Ангара служат элементом обряда перехода. О. Седакова выделяет две функции воды в этом качестве: «преграда между миром живых и миром мертвых или средство связи между ними» [Седакова, 2004, с. 55]. Образ реки: «Ангара <...> кому – мать, кому – сестра, кому – мачеха. А кому и вовсе могила» [Яхина, 2015, с. 218], – представлен в романе в разных вариациях: река как граница, отделяющая ссыльных от «большой земли»; река как символ смерти (затопление баржи); река как символ новой жизни (отбытие Юзуфа на большую землю).

Выводы. После проведенного исследования стало очевидно, что Г. Яхина широко использовала мотив смерти как один из сюжетообразующих конструктов прозы. Физическая и символическая смерть в романе демонстрируют статус того или иного героя, позволяет глубже понять сюжетные ходы и образную систему. «Своя» и «не своя» смерть не являются определяющим фактором, поскольку представлены вариативно, большее значение имеет то, что происходит после смерти: является ли смерть конечной точкой или переходом в иное состояние, дающее возрождение в перспективе.

Библиографический список

1. Афанасьев А. Н. Мифы древних славян. М., 2014. 290 с.
2. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. М., 1994. 263 с.

3. Ковтун Н. В., Степанова В. А. Трансформация погребального обряда в поздних рассказах В. Распутина // Вестник КемГУ. 2015. Вып. 2 (62), т. 4. С. 144–152.
4. Леон-Портилья М.: Философия нагуа. Исследование источников. М., 1961. 268 с.
5. Постнов О. Г. Смерть в России X–XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. Новосибирск, 2001. 224 с.
6. Пустовая В. Е. Большой роман с вишенкой // Вопросы литературы. 2019. № 2.
7. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. 320 с.
8. Силантьев И. В. Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2011. 311 с.
9. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр.; предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М., 1994. 144 с.
10. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза: роман / предисл. Л. Улицкой. М., 2015. 508 с.

Сведения об авторе

Кондакова Ольга Анатольевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; e-mail: ms.olu@list.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-37>

MORTAL MOTIVES IN GUZEL YAKHINA'S NOVEL ZULEYKHA OPENS HER EYES

O. A. Kondakova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of the motives of death in G. Yakhina's novel *Zuleykha Opens Her Eyes*, which are significant and stable in the world literature. Two main types of death are distinguished and analyzed: physical and symbolic. On the basis of the studied works by M. Eliade and O. Sedakova, death is considered as a process of transition from a living state to a non-living state and as a transition to another space. In accordance with the classification of death motives given by O. Sedakova, „own” and „not own” death are distinguished and analyzed. Life and death, forming an inseparable pair, are considered both as a unified but variable whole, and as a binary opposition.

Keywords: *mortal motive, death, symbolic death, physical death, Yakhina.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Afanas'ev A. N. Mify` drevnix slavyan [Myths of the ancient Slavs]. M., 2014. 288 s.
2. Gasparov B. M. Literaturny`e lejtmotivy`: ocherki russkoj literatury` XX veka. M., 1994. 263 s.
3. Kovtun N. V., Stepanova V. A. Transformaciya pogrebal'nogo obryada v pozdnix rasskazax V. Rasputina // Vestnik KemGU. 2015. Vy`p. 2 (62), t. 4. S. 144–152.
4. Leon-Portil`ya M.: Filosofiya nagua. Issledovanie istochnikov. M., 1961. 268 s.
5. Postnov O. G. Smert` v Rossii X–XX vv.: istoriko-e`tnograficheskiy i sociokul`turny`j aspekty`. Novosibirsk, 2001. 224 s.
6. Pustovaya V. E. Bol`shoj roman s vishenkej // Voprosy` literatury`. 2019. № 2.
7. Sedakova O. A. Poe`tika obryada. Pogrebal'naya obryadnost` vostochny`x i yuzhny`x slavyan [Poetics of the rite. Funeral rites of Eastern and southern Slavs]. M., 2004. 320 s.
8. Silant`ev I. V. Syuzhetno-motivny`e komplekсы` russkoj literatury`. Novosibirsk, 2011. 311 s.
9. E`liade M. Svyashhenoe i mirskoe / per. s fr., predis. i komment. N. K. Garbovskogo. M., 1994. 144 s.
10. Yaxina G. Sh. Zulejxa otkry`vaet glaza: roman / predisl. L. Uliczkoy. M., 2015. 508 s.

About the author

Kondakova Olga Anatolevna – MA Candidate, Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev; e-mail: ms.olu@list.ru